научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 323

Национальная идея как основа безопасности российской государственности (Карелия — анализ единичного случая)

РОЖНЕВА Светлана Сергеевна

кандидат политических наук, доцент,
кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений,,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, rozhneva@mail.ru

Ключевые слова:
безопасность
национальная идея
Карелия
мифологичность
символичность
этничность
системность
прагматичность
динамичность

Аннотация:
В статье представлен авторский подход относительно национальной идеи как одной из основ безопасности государства в условиях современных геополитических изменений на примере России. В качестве возможного определения национальной идеи для страны рассматривается идея «Россия — сильное государство». При использовании методологии изучения отдельного случая анализируется Республика Карелия, политический процесс в которой иллюстрирует тенденции современных международных отношений. В работе предлагается трехуровневая структура государственной идеи: уровень сознания, уровень практического воплощения и переходный уровень. На первом уровне проявляется мифологичность, символичность и этничность идеи, на втором — системность и прагматичность, на переходном — динамичность.
Исследование первого уровня показывает, что мифологизация и символизация политического пространства — важные составляющие современной политики. Через национальную идею они способны придать ей позитивный смысл, легитимировать действия властей, сохранить системные характеристики государства. Вместе с тем автор приходит к выводу, что национальная идея современной России, как и Республики Карелия, не направлена на сохранение признаков этничности из-за многонационального характера страны. Идея сильной России интерпретируется в терминах патриотизма, могущества государства, а не с позиции этноса. Вписываясь в систему государства, национальная идея поддерживает его значение как основного политического института, как важнейшего актора политики и как коммуникативного пространства. На практике идея, изменяясь, способна сохранять системность государства, в чем осуществляется прагматизм ее воплощения. В итоге автор статьи приходит к выводу, что национальная идея России как сильного государства усиливает авторитарные тенденции в стране, консервацию их в общественном сознании и обеспечивает основы безопасности.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

2014 г. для России был богат на значимые для страны события. Победа России на Олимпийских играх и триумфальная победа на Паралимпийских играх подняли престиж страны на международной арене. Внутри страны чувство гордости цементировало сознание россиян. Рейтинги Путина как национального лидера «поползли» вверх. Авторитет главы государства еще более утвердился в сознании российских граждан в результате тех судьбоносных для страны решений, которые принимал президент относительно ситуации вокруг Крыма. Беспрецедентный случай в международной практике, когда народ пользуется своим правом на самоопределение, в результате референдума создает суверенное государство и на следующий же день после оглашения результатов плебисцита подает заявку на вхождение в состав другого суверенного государства, стал причиной неоднозначных оценок действий российского президента как на международной арене, так и внутри страны. И если вопросы национальной идеи и так никогда не сходили с политической повестки дня, то после выхода Крыма из состава Украины они разгорелись с новой силой.

«Народная эйфория» и то, как воспользовались своим правом на самоопределение крымчане, в какой-то степени свидетельствуют (с исторической точки зрения) о национальном единстве, о возвращении исконно русских земель «в родную гавань» [26], но, с другой стороны, это можно рассматривать в терминах опасности данного права для государственной целостности. И вновь современная Украина стала показательным примером этому. Случаи самоопределения Донецка и Луганска со стратегической точки зрения не могли пойти по «крымскому сценарию», но они стали причиной дальнейшего усугубления ситуации в Украине и во всем мире в целом, что выразилось в военных действиях на территории республик и в санкциях, направленных в отношении России и ответных санкциях странам Евросоюза.

Безусловно, национальная идея не сводится только к праву на самоопределение народов и даже может не расцениваться в подобных дефинициях. Но сам факт такой возможности самоопределения, предположим национальных республик в Российской Федерации, весьма интересен. Изучение отдельных случаев особенно хорошо подходит для исследования редких феноменов. Хотя такая гипотеза для ряда республик нашей страны в своей основе носит абсурдный характер.

Возьмем, к примеру, Республику Карелия, регион Северо-Запада, граничащего с Финляндией, страной Европейского Союза. Проводимая национальная политика в регионе так или иначе согласуется с федеральной и не решает проблем республики, вызванных, в первую очередь, сокращением представителей титульной нации. Статус дотационного субъекта государства не позволяет «диктовать» свои условия федеральному центру, что, как нам кажется, обогащается к тому же нордическим характером большинства граждан, проживающих на территории Карелии, и естественным уровнем пассивности в политическом поведении, следуя принципу «скажут — сделаем, не скажут — делать не будем». Подобная риторика проявляется и в отношении смысла национальной идеи, ее восприятии так, как это транслирует властвующая элита федерального центра. Вместе с тем следует признать, что сам феномен национальной идеи неоднозначно трактуется и политической элитой, и общественностью, что свидетельствует о широкой сфере применения понятия национальной идеи к описанию самого разного рода событий.

В политической науке и в органах государственной власти не утихают споры относительно того, какая национальная идея необходима для современной России как основной идеи безопасности российской государственности. С разных сторон, с разных аспектов анализируется данная проблематика. Но в большинстве своем исследования концентрируются на консервативной составляющей данного феномена, уходящей своими корнями к взглядам отечественной интеллигенции конца XIX — начала XX в. Безусловно, важны традиционные истоки происхождения национальной идеи, но тогда трактовка национальной идеи осуществляется в границах Русской идеи, отчасти не соответствующей современным реалиям. Одним из примеров подтверждения тому является вопрос национальной идентичности в многонациональной России [16; ст. 3. п. 1; 4], что не позволяет употреблять как синонимы понятия «русская идея» и «национальная идея». Ко всему прочему сложно говорить и о единой нации как цементирующей основы государства, поскольку создание «российской нации» означает идти по тому же пути, когда предпринимались попытки создания единой «советской нации».

Отвергать полностью необходимость национальной идеи для России тоже нецелесообразно,

поскольку она выступает одним из признаков сплочения и единства государства. Но, как представляется, следует анализировать национальную идею для России в контексте глобализации, в терминах постмодернизма, учитывая взаимовлияние и взаимозависимость всех государств мира на современном этапе. Рассуждая о национальной идее с позиции политической безопасности, понятия национальная и государственная идея следует употреблять как синонимы, что в определенной степени позволяет ограничивать рамки исследования, не вдаваясь в сложности этимологических интерпретаций и плюралистичности смыслов.

Представленная работа — это еще один взгляд на проблематику государственной идеи. В статье содержится обобщение накопленных знаний относительно сущности и природы данного феномена, выделяются структурные уровни национальной идеи, анализ которых позволяет показать, как она воплощается в России. При этом учитываются особенности политического режима страны на современном этапе и то, как Российское государство вписывается в международные процессы и взаимодействия с другими странами. В качестве примера на основе использования методологии изучения единичного случая рассматривается Республика Карелия, политический процесс в которой иллюстрирует тенденции современных международных отношений.

Любое государство следует рассматривать как систему. Подход Д. Истона [11] — наделение системными характеристиками политической жизни — не утратил своей актуальности, но чем больше внешних импульсов оказывает влияние на систему, тем больше вероятность воздействия дестабилизирующих факторов, представляющих опасность для сохранности системы и ее стабильности. Таких «факторов — угроз» для любого государства более чем предостаточно. И Россия не представляет исключения. Причем особенность данных факторов заключается в том, что каждый из них одновременно способствует и сохранению системы, и нарушению ее стабильности. Одним из таких многообразных факторов является национальная идея.

Вполне резонно будет определить национальную идею России как сильного государства. Такая интерпретация государственной идеи не является новой, но она словно аккумулирует разнообразные идеологические смыслы. В идею сильного государства гармонично вписываются единство, патриотизм, национальное самосознание и т. п. Предлагая конкретную формулировку идеи, способы ее реализации в стране становятся более отчетливыми, и она позволяет объяснить пути и действия реализуемой внутренней и внешней политики на современном этапе. Однако не следует отождествлять национальную идею с идеологией (см., например, [9], [20], [32]). Государственная идея органично вплетена в идеологию, усиливает выполнение идеологией своих функций, позволяет идеологемам находить свое воплощение в практическом поле политического процесса.

Структура национальной идеи включает в себя три уровня: 1) уровень сознания; 2) уровень практического воплощения; 3) переходный уровень от «теории к практике». Безусловно, все уровни тесно взаимосвязаны. На первом уровне проявляется мифологичность, символичность и этничность идеи. На втором – ее системность и прагматичность. А переходный уровень показывает динамичность национальной идеи.

Первый уровень — сознание

Мифологичность

Мифологизация политического пространства — важная составляющая политики. Глобальные процессы современного этапа, информатизация общества заставляют обращаться к идеологическим практикам, способным сохранять системные характеристики государства. Одной из таких практик является национальная идея. Так, по замечанию В. А. Кулинченко и Н.А. Коровниковой, «одной из основных задач, стоящих перед государством, является поддержание единого смыслового (идеологического) пространства» [20; 17]. Следовательно, мифотворчество позволяет трансформировать общественное сознание в нужном для власти направлении с целью поддержания своей легитимности и безопасности государства от возможных внешних угроз.

Р. Кобб и Ч. Элдер считают, что «мифы и ритуалы служат оправданием политической власти в любой системе» [14; 142]. Это подтверждает тезис о том, что массовое сознание мифологично. По мнению К. Г. Юнга, миф играет спасительную роль для дифференцированного, отчужденного сознания современного человека, дает ему надежду на «светлое будущее» [31; 34]. Тем самым миф направляет действия людей, предписывает им систему ценностей и облегчает восприятие проблем, с которыми сталкивается человек. Миф позволяет соединить массовое и индивидуальное сознание воедино.

По замечанию Э. Кассирера, «современные политические мифы… не требуют с самого начала запрещения каких-либо действий или подчинения каким-либо правилам, они стараются изменить людей, чтобы в дальнейшем можно было управлять их поведением. Политические мифы можно

сравнить с удавом, который парализует животное, прежде чем проглотить его. Люди сдаются без серьезного сопротивления, они подавлены и подчинены раньше, чем успевают осознать, что происходит» [13; 125].

Таким образом, подобные интегрирующая, мобилизирующая, легитимирующая и манипулятивная функции мифа находят свое воплощение в национальной идее. «Национальная идея — это устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, в настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [23; 13].

Следует отметить, что поиск национальной идеи, ее реанимация начинается в периоды кризиса. С точки зрения Э. Кассирера, «обширная и развитая магическая система и связанная с ней мифология приходят в действие, когда налицо опасность и неизвестность» [13; 120]. По замечанию Т. Корниенко, в современных концепциях политический миф преимущественно трактуется в качестве средства манипулирования массовым сознанием. При этом наблюдается стремление к рационализации и демифологизации политики либо выстраивание технологии искусственного мифотворчества [17; 50].

В кризисные моменты возникает необходимость в социальной энергии, которая направляется на преодоление стрессовых и конфликтных условий. В данном контексте выстраиваются рассуждения Ж. Сореля, который еще в начале XX в. применил понятие мифа для описания социально-политических явлений [27]. Он полагал, что миф — это «массовое увлечение ложными политическими идеями и иллюзиями» [27; 14]. Миф, согласно Ж. Сорелю, «нечто интуитивно цельное, символически образное, не поддающееся разложению, необходимый элемент мировосприятия любой социальной группы, выражение воли к власти группы или класса, возглавляющего социальное движение» [27; 18]. Однако Г. Лассуэлл утверждал, что «неверно полагать, что термин «миф» обязательно придает вымышленный, ложный или иррациональный оттенок входящим в его состав символам» [21]. С его точки зрения, «политический миф содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти» [21].

Подобная позиция правомерно укладывается в логику рассуждения относительно национальной идеи России как сильного государства. Если рассматривать мифологичность государственной идеи страны с позиции «политической формулы» [21], выделенной Г. Лассуэллом, в формуле, в которой одновременно проявляется ее прескриптивность и дескриптивность, которая «прескриптивна, так как предполагает соответствие определенной спецификации и содержит в себе символы, нацеленные на аргументированное оправдание или осуждение данных политических практик» [21], и дескрептивна, «поскольку, действительно, в определенной степени в ней присутствует соответствие предъявляемым требованиям, и, предположительно, в том, что данная формула принимается большинством людей как корректно описывающая модели и практики власти» [21].

С точки зрения прескриптивности и дескриптивности национальная идея России как сильного государства приобретает только позитивный смысл. Прескриптивность идеи проявляется через ценностные установки и оценочные суждения россиян, которые на уровне своего сознания оправдывают идеи и действия государственной власти в целом, и Президента в частности. Легитимирующая роль прескриптивности идеи выражается, например, через известные высказывания глав государства[1], ставшие афоризмами и получившими, благодаря своей эмоциональности, широкую поддержку у народа.

Проявлением позитивного смысла посредством дескрептивности национальной идеи России на данном этапе является официальная позиция государства относительно ситуации, складывающейся в Украине. По данным ВЦИОМ, вхождение Крыма в состав Российской Федерации повысило показатели социального самочувствия россиян [28], и большинство граждан страны не подвергают сомнению правильность проводимой государством политики [8]. Однако если проанализировать данные по Карелии, то можно обнаружить показатели, схожие с общероссийскими в целом [19]. При этом жителей Карелии, как и граждан России, не затрагивает позиция других государств относительно действий российского президента, что выражается и по данным опросов (см., например, [22]), и по той информации, которая распространяется в СМИ и в социальных сетях.

Таким образом, это подтверждает наличие признаков авторитарного режима и их отражения в массовом сознании и в реальной политической практике, которые не приобретают негативного оттенка, а, напротив, усиливают ценность мощного и сильного государства. Ко всему прочему о сохранении признаков авторитарного режима в нашей стране свидетельствуют данные опросов [15], показывающие консерватизм общественного сознания и доминирующие ценности россиян на современном этапе [25].

При этом мифологичность национальной идеи России как сильного государства проявляется еще

и потому, что, по мнению И. И. Кравченко, «одним из распространенных мифов о власти, наряду с самыми древними — мифами народоправия, непререкаемости законов, суверенитета народа, властителя — миф о государстве. Он играл и играет положительную роль в политике. Суть его — в доказательстве необычайной природы государства, его способности восходить к высшим ценностям, воплощать их и превосходить функции других политических образований» [18; 10]. Подобного рода мифологичность национальной идеи воздействует на сознание таким образом, что «жизнеспособность страны — это жизнеспособность каждого. Поэтому национальная идея страны — это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти. И это основа его индивидуальной жизнеспособности» [23; 25]. Хотя следует признать, что реальный политический процесс не столь пафосен. Весьма показательными примерами становятся выборы.

Традиционно в нашей стране явка избирателей на выборах в федеральные органы власти выше, нежели в региональные, а тем более местные. Жители любого субъекта Российской Федерации, в том числе и Республики Карелия, демонстрируют подобное поведение. Как нам кажется, это вызвано консервативностью общественного сознания, когда ценности силы государства воспринимаются сверху, усиливая авторитарные тенденции в стране. Когда в общественном сознании продолжает укореняться идея, что на местах добиться справедливости и порядка не представляется возможным и только на уровне государства можно достичь хоть какой-то правды, хотя тоже весьма условной. В немалой степени этому способствуют и средства массовой информации, транслирующие позицию официальной властвующей элиты.

В связи с этим мифологичность становится именно тем аспектом национальной идеи, который позволяет сохранять целостность государственной системы. Ко всему прочему эффективность мифологизации общественного сознания достигается посредством создания символического образа восприятия. По мнению Р. Кобба и Ч. Элдера, «в символах эмоциональный компонент преобладает над информативным» [14; 134], глубоко укрепляется в общественном сознании и влияет на модели политического поведения народа. Символизм усиливает эффект мифологизации в общественно-политической практике и определяет сферу воздействия мифа.

Символичность

Символизм политического пространства интегрирует признаки государственности, функционально обогащает политическую систему и оказывает непосредственное воздействие на характер политического режима. Символы определяют не только статичные элементы политической сферы (например, по типу политической системы), но и детерминируют ее динамическую составляющую, выражаемую через особенности политического поведения социума [14].

В политической сфере можно наблюдать разные виды символов: «символы-идеи, символы-действия (ритуалы), символы-объекты (статичны), символы-персоны, символы-звуки» [3; 103] и др. При этом все символы взаимосвязаны, так как они достигают своего эффекта и воздействуют на общественное и индивидуальное сознание различными путями. Восприятие национальной идеи — «Россия — сильное государство» — наблюдается в контексте «символа-идеи». Государственная идея в стране транслируется через официально проводимую внутреннюю и внешнюю политику, через законодательство. В связи с чем находим в ней не только элементы «символа-идеи», но и «символа-действия» (например, посредством предвыборной агитации партии «Единая Россия» — «Сильная Россия — Единая Россия»), и «символа-персоны» (высокие рейтинги В. Путина в 2014 г., так или иначе связанные с событиями присоединения Крыма), «символы-звуки» (например, гимн Российской Федерации на музыку А. Александрова и слова С. Михалкова [6]) и т. п.

Если анализировать единичный случай Республики Карелия, то конструирование национальной идеи на ее территории осуществляется в контексте общероссийского символического пространства. При этом разные виды обозначенных выше символов не согласуются с национальными особенностями региона. Как и по всей стране, в Карелии в электоральный период партия «Единая Россия» использует те же лозунги, на основе которых формируются схожие мифологемы в массовом сознании и у жителей республики. «Символ-персона» традиционно ассоциируется с главой государства, а никак не с главой республики, что подтверждает консервативность в умонастроениях и авторитарность политического режима. В «символах-звуках» вообще наблюдается подмена понятий, когда жители Карелии не знают не только мелодии и слов гимна [5], но и полагают, что песня А. Колкера «Долго будет Карелия сниться» и есть гимн республики.

С точки зрения символа национальная идея может восприниматься как индивидуально, так и коллективно, но, по мнению Р. Кобба и Ч. Элдера, «символы могут быть общими для группы, но их индивидуальное восприятие может быть разным» [14; 140], что тесно коррелируется с проблематикой

политического поведения, политического выбора и ответственности за него. Символический характер национальной идеи приводит к тому, что, с одной стороны, он показывает на абстрактность идеи, а с другой — указывает на ее практическую направленность.

Так, по замечанию Н. В. Буковской и Ю. А. Воеводиной, «символ — это “чувственное воплощение идеального” (Кассирер), знак, указывающий на что-то, что не есть он сам или замещающий что-то другое. Чаще всего символ указывает на некое абстрактное, непосредственно не воспринимаемое содержание, смысловое образование, комплекс представлений, относящихся к религии, политике и т. д.» [3; 102]. Вместе с тем «символ побуждает к действию, он порождает психическую энергию, направляя ее в нужное русло, а следовательно, служит средством контроля, регулирования поведения человека» [3; 103]. Рассуждая в подобном ключе, Р. Кобб и Ч. Элдер считают, что «политические символы регулируют отношения индивида и политической системы, закладывают основу для дифференциации, кооперации и, наконец, для политического сообщества» [14; 131].

Таким образом, символичность национальной идеи России как сильного государства на уровне сознания разбивает ее на абстрактные и практические составляющие, что позволяет ей выполнять интегрирующую и мобилизующую функции в обществе.

В качестве абстракций национальной идеи России как сильного государства можно выделить силу/мощь, авторитет, свободу, независимость и величие на геополитическом пространстве. Такие абстракции обусловлены современной политической действительностью и социальными нормами, как правовыми, так и традиционными, религиозными и т. п. Все это показывает особые черты политической культуры россиян, характеристики политического сознания народа. При этом абстракции на практике приобретают вполне конкретные ассоциации и формы реализуемой государственной политики. Не надо проводить специальные исследования, чтобы увидеть, через какие категории абстракции отечественной национальной идеи проявляются на практике.

Так, «сила/мощь» реализуется через действия президента, престижность армии; «авторитет» традиционно ассоциировался с политикой главы государства, с его действиями и решениями, что напрямую воздействовало на его имидж; абстракция «свободы», так или иначе, соотносится с конституционно закрепленными и государственно гарантируемыми правами и свободами человека и гражданина; «независимость» реализуется через суверенитет государства и народа, а «величие на геополитическом пространстве» аккумулирует тенденции прошлого и современности через особый характер выстраивания отношений между государствами на международной арене в плане реализации своей собственной стратегической линии мировой политики (см. табл.).

Национальная идея «Россия — сильное государство»	
Абстракции	Практики
Сила/мощь	Глава государств, армия
Авторитет	Глава государства
Свобода	Права и свободы человека и гражданина
Независимость	Суверенитет
Величие на геополитическом пространстве	Международные отношения

При этом на современном этапе в отечественной национальной идее продолжают преобладать абстракции и практики, свойственные авторитарному режиму, от чего сама национальная идея становится авторитарной. Подтверждением тому выступает мнение В. А. Тураева, что «национальная идея народа — продукт народной культуры в ее историческом развитии, она живет в нем во все времена, при всех политических режимах» [29; 154]. А символизм национальной идеи лишь усиливает это положение, позволяет ей существовать вне временных рамок, лишь время от времени изменяя и ставя акценты, что понимать, например, под сильным государством. По замечанию С. Н. Амельченко, «являясь выражением самосознания российского общества, национальная идея утверждает те ценности, которые позволяют ему выработать принципы должного самоопределения в окружающем мире, адекватные вызовам современной действительности и укрепляющие социокультурный статус человеческого бытия» [2; 82].

Этничность

При исследовании национальной идеи на уровне общественного сознания, волей неволей возникает вопрос этнической составляющей в ее структуре. Терминологическое созвучие — «национальная», «нация», «этническая общность», «этничность», «этническое самосознание» и т. п. —

заставляет обращаться к проблематике этничности в самой национальной идее. Но поскольку для России понятие национальной идеи тождественно дефиниции государственной идее, то есть ли смысл выделять компонент этничности в такой национальной идее, как «Россия — сильное государство»?

Отвечая на данный вопрос, следует отметить, что феномен этничности в науке анализируется с точки зрения разных методологических подходов этнографии. Г. В. Грошева пишет, что «все имеющиеся концепции и теории можно объединить в два методологических противоположных подхода к проблеме этнической субстанции: “онтологический” (примордиалистский, или эссенциалистский) и “функциональный” (конструктивистский, инструменталистский)» [7; 104]. Однако эти подходы направлены на определение феномена этничности с позиции самоидентификации человека с той или иной этнической группой. В таком аспекте считается уместным рассмотрение проблематики национального самосознания, межэтнического взаимодействия, межнациональных конфликтов и пр.

Применительно к национальной идее обозначенные выше концепции не подходят. С определенными оговорками можно было бы лишь применить функциональный подход, где «конструктивисты определяют этничность как средство достижения коллективных целей, прежде всего обеспечения социального комфорта в рамках однородных культурных сообществ, понимаемого чаще как достижение экономических и политических выгод. Согласно конструктивистской концепции, этничность есть вымышленный конструкт, «навязанная» социальность, поскольку коренится в мифах, ценностях, символах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся» [7; 105]. Однако и данную концепцию нельзя напрямую проецировать на государственную идею России. Связано это с тем смыслом, который понимается под словосочетанием «Россия — сильное государство».

Национальная идея современной России, в целом, не направлена на сохранение признаков этничности. Этничность может проявляться в отдельных субъектах Российской Федерации, например в национальных республиках, но для многонационального народа России этничность будет означать, и здесь согласимся с Л. Карчевским, «сохранение традиционных укладов жизни, базовых систем ценностей и стереотипов мышления и поведения, что чаще всего предполагает борьбу за национальную независимость и суверенитет народов» [12; 149].

Казалось бы, вот необходимый материал для исследования в Республике Карелия. Субъект Российской Федерации, образованный по национальному признаку, политика которого направлена на сохранение этнического колорита титульного населения. Но примечателен тот факт, что исследования, проводимые в Карелии, не затрагивают вопросы ценностного восприятия национальной идеи, что в очередной раз подтверждает их трансформацию в контексте общероссийских тенденций. Проблемы, вызванные постоянным сокращением титульного населения республики, определяют вектор развития национальной политики в регионе, что не отражает анализируемый в данной работе вопрос. Потому государственная идея в сознании жителей Карелии и россиян в целом предстает как традиционная культурная ценность, сплачивающая народ, состоящий из различных этнических групп, в единое целое.

По замечанию Л. Карчевского, «именно в культурных традициях сохраняются ценностно-нормативное и смысловое содержание этничности, а также значимые механизмы социальной адаптации, обеспечивающие трансляцию культуры от поколения к поколению» [12; 144]. Коммуникативная сущность национальной идеи выстраивает в общественном сознании ценностную основу, которая сплачивает не одну нацию, а весь народ в целом. Отчего и проявление признаков национализма в стране (например, «Русские марши», проводящиеся ежегодно с 2005 г., беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г., акции в поддержку Крыма в марте 2014 г. и т. п.) осуществляется не «по крови» — происходит возрождение имперских традиций России.

По мнению В. А. Тураева, «национальная идея всех народов, в какие бы философские и мировоззренческие одежды не облекали ее интеллектуалы, по сути, одна — остаться самим собой» [29; 154]. Многонациональной Россия стала не в конце XX в., и потому «в условиях глобализации главное для всех народов — не потерять своего лица» [29; 157]. Таким образом, этничность в стране проявляется, например, через чувство патриотичности, осознание себя гражданином великой страны, а не принадлежность к какой-либо нации [24]. В связи с чем на уровне общественного сознания национальная идея России как сильного государства выполняет важнейшие функции, необходимые для сохранения традиционного многонационального характера страны. При этом уникальность феномена национальной идеи России заключается в том, что она может трансформироваться, при этом сохраняя свою сущность, что свидетельствует о динамичности ее характера, проявляющегося на переходном уровне ее структуры.

Переходный уровень

Динамичность

Любая национальная идея способна адаптироваться к новым поколениям, практически не меняя эффекта своего воздействия на общественное сознание. По мнению Ю. В. Ирхина, «она включена (включается) в стандартные схемы восприятия проблемных ситуаций и принятия решений, реализующихся, например, в метафорах “войны”, “мира”, “спорта”, “театра” и т. д.» [10; 45—46]. Связано это еще и с тем, что национальная идея способна объединять субъекты и объекты власти, акторов политики, формируя модели взаимоотношений государства и общества.

Однако в России наблюдается традиционная асимметричность, свойственная для авторитарного режима, когда интегрирующие и мобилизующие идеи конструируются в институтах власти, оправдывая, с одной стороны, ее авторитет, а с другой — дают свое видение происходящих событий и моментов истории. В качестве примера можно привести те заявления, которые сделал президент России В. В. Путин 17 апреля 2014 г. относительно Украины и Крыма на «прямой линии», отвечая в прямом эфире на вопросы граждан [4].

Национальная идея России как сильного государства, мощного государства, государства, с которым необходимо считаться на международной арене, государства, претендующего на лидерство в мире, «сработала» в победоносных заявлениях президента, когда он обратил внимание общественности на известный исторический факт и назвал Юго-Восток Украины Новороссией, традиционно российскими землями, которые были присоединены к Российской империи в результате русско-турецких войн по второй половине XVIII в. Путин дал ясно понять, что есть курс на многополярный мир и укрепление России как самостоятельного субъекта, жесткое непринятие диктата со стороны Запада и однополярного мира. При этом из выступления президента страны прослеживается идея, что Российская Федерация взяла курс на жесткую конфронтацию с тем Западом, который пытается сохранить свою гегемонию.

Следует отметить, что динамичность национальной идеи усиливается благодаря ее свойствам. И здесь одной из интересных точек зрения является мнение Ю. В. Ирхина. Он пишет, что «по соображениям самого общего порядка национальная идея должна быть: 1. Интегрирующей — снижающей напряженность всех форм противостояния (идейных, социальных, этнических, демографических, территориальных и т. п.) и укореняющей ценности, безусловно общие для граждан сообщества. 2. Мобилизующей — снимающей эффекты социальной фрустрации и апатии, стимулирующей активность, инициативу, разного рода конструктивную деятельность и созидательные акции. 3. Преобразующей — утверждающей ценности, которые стимулируют в стране изменения и ориентируют на перспективу» [10; 46]. Примечательно, что все это показывает ценность государственной идеи, ее возможность существовать в общественном сознании и реализовываться в реальной практике. Именно на практике идея способна сохранять внешние и внутренние характеристики системы государства, в чем осуществляется прагматизм ее воплощения в отношении основ безопасности.

Второй уровень – практика

Системность

Национальная идея, вписываясь в систему государства, поддерживает его значение как основного политического института, как важнейшего актора политики и как политического коммуникативного пространства, в котором живут граждане страны.

Будучи социальным институтом, государство нацелено на поддержание общественного порядка и безопасности граждан. В данном ключе национальная идея является одной из нормативных ценностей, сохраняющих институциональные признаки государства. Применимость нормативно-ценностного подхода объясняет модель поведения граждан и модель поведения государства в целом. Причем в контексте страны действия осуществляются в терминах правильного и должного поведения. Авторитарная ценность национальной идеи — «Россия — сильное государство» — показывает мощность работы институциональных признаков российского государства. Историческая жизнеспособность национальной идеи, ее традиционализм, преемственность сохраняют государство, она «обретает способность задавать целеполагание нации и мобилизовывать потенциал народа на исторические свершения» [23; 69].

В современном контексте потенциал российского народа проявляется в формах гражданской активности. Народные гуляния и демонстрации в честь государственных праздников (например, 4 ноября — День народного единения), выборы, акции протеста и акции поддержки, митинги иллюстрируют, как отражаются в общественном сознании решения, принимаемые руководством

страны[2]. Применительно к опыту Республики Карелия системность проявляется наряду с общегосударственными мероприятиями с событиями регионального уровня. Так, например, региональные или местные выборы, праздничные мероприятия, приуроченные ко Дню Республики Карелия или к каким-либо значимым датам в истории демонстрируют народное единение в отдельно взятом субъекте Российской Федерации.

Безусловно и то, что государство — это важнейший актор политики. Следует согласиться с точкой зрения П. Данливи, что «государство начинает вести себя как единый актер только на определенной дистанции. При ближайшем рассмотрении легко заметить, что разные институты государства стремятся к различным целям, то есть государство как целое — это условность» (цит. по: [1; 95]). Однако национальная идея способна преодолеть эту условность, усиливая центростремительные тенденции внутри страны. Достижение внутригосударственного единства проецируется и на геополитическое пространство, когда страна становится тем актором, с которым необходимо считаться на мировой арене и выстраивать гармоничные международные отношения в целях стратегии безопасности.

Следует также отметить, что системные признаки государства сохраняются благодаря тому коммуникативному пространству, которое способно создавать национальная идея. Но, на наш взгляд, специфика государственной идеи заключается в том, что она способна создавать коммуникативное пространство как на рациональных, так и на иррациональных основах. Рациональная компонента национальной идеи, в контексте теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в эпоху модерна, позволяет восстановить внутренне отношение между практикой и рациональностью, когда государственная идея подвержена не только чувственному восприятию, но и пониманию того, что лежит в ее основе: «Теория коммуникативного действия… исследует допущения рациональности в повседневной коммуникативной практике и подводит нормативное содержание рассудочно ориентированного действия под понятие коммуникативной рациональности» [30; 82]. И несмотря на то что коммуникатором чаще всего выступает властвующая элита, которая продуцирует национальную идею для страны, для ее граждан, смысл и значение идеи способны проникать в общественное сознание и в реальную практику, оказывая непосредственное воздействие на модели политического поведения.

Таким образом, национальная идея — это «деятельностная программа» в реальной жизни. «Это большой идеологический манифест и манифестация, которые входят в сознание, традиции и практику. В образовательный, патриотический, воспитательный и пропагандистский процессы, в монументальное и иное искусство. Это срез, наклонение и пафос литературы» [23; 131]. Способность государственной идеи к трансформации ее восприятия разными поколениями показывает ее прагматичность для функционирования современной политической системы, «обслуживая интересы различных политических субъектов (политиков, политических партий, общественных движений и т. п.)» [10; 45—46], направляя в русло процессов сохранения стабильности и обеспечения государственной безопасности.

Прагматичность

Положительное воздействие национальной идеи, и в контексте выполняемых ею функций, смыслов и значений, которые она имеет для граждан и для государства в целом, и той системообразующей и системосохраняющей роли, которую она играет в политической системе страны, говорит о необходимости существования национальной идеи и показывает степень ее полезности и для государства, и для общества.

Государственная идея в стране будет «работать» только тогда, когда будет понятен ее смысл. Она найдет практическое воплощение благодаря своей прагматичности. Национальная идея России как сильного государства способна легитимировать политический процесс, современное состояние страны. Ссылаясь на мнение Мерельмана, Р. Кобб и Ч. Элдер отмечают, что «существует как минимум две основы легитимности. Первая — преимущественно символичная, то есть верность основана преимущественно на чувствах и эмоциях по отношению к ярким политическим символам. Другой источник легитимности основан на функциональном или утилитарном критерии материальной оценки и выгоды …» [14; 132].

Постоянное привлечение внимания общественности к тому, что Россия — это сильное государство, что она геополитический сильный актор, позволяет расставлять акценты так, как это выгодно ведущим политическим силам. Использование терминологии в контексте исторических смыслов, что Россия — это страна, где проживает народ-победитель, смещает акценты с реальных проблем общества (например, низкий уровень жизни, инфляция, безработица и т. п.) в сторону имперских амбиций и победоносных изречений, как бы «затуманивая» сознание россиян, что приводит к потере политической бдительности. В связи с чем национальная идея становится орудием в руках

властвующей элиты, что усиливает авторитарные тенденции в стране, но при этом нацелена на коллективное выживание сообщества в целом, так как «создает и поддерживает чувство психологического комфорта и защищенности» [23; 71].

Изучение единичного случая Республики Карелия в рамках данной проблематики не меняет в целом риторики повествования, поскольку политический процесс в Карелии выстраивается по тому же сценарию, что и в России в целом, не показывая специфики восприятия жителями республики ценностей национальной идеи в контексте России как сильного государства. Тем самым в регионе наблюдаются тенденции, общие для страны в целом.

Вместе с тем исследование структуры национальной идеи показывает ее способность выполнять различные функции, оказывать непосредственное влияние на сознание граждан страны и находить свое воплощение в практическом поле политики. Это дает основание утверждать, что национальная идея является одной из основ государственной безопасности.

По мнению А. В. Зберовского, «национальная идея — это такой исторически возникший исторический инструмент выживания и самосохранения, который необходим для применения его в интересах сразу всего общества в целом и технически приспособлен преимущественно для устранения какой-то внешней угрозы, обычно со стороны других обществ. При этом, если существованию общества будет угрожать какая-то отдельная его же группа, возможно объявление войны и этой отдельной группе того же самого общества, которое борется за свое выживание в целом» [9; 232]. Ко всему прочему государственная идея способна раскрывать особенности протекания политического режима в стране.

В разные исторические периоды в России, особенно в сложные кризисные периоды, всегда проявляются признаки авторитаризма, одним из которых является признак сильного государства. Национальная идея России как сильного государства носит системообразующий и системосохраняющий характер основ государственности, мобилизует, интегрирует и направляет активность акторов политики, воздействует на общественное сознание. Таким образом, проблематика национальной идеи с позиции государственной безопасности, сохранения государственной целостности универсальна.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. Москва, 2000.
2. Амельченко С. Н. Национальная идея российского общества как проект должного социокультурного бытия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. Т. 8. № 2. С. 71—82.
3. Буковская Н. В. Роль религиозных символов в политике / Н. В. Буковская, Ю. А. Воеводина // Вестник ТГПУ. 2006. № 12. С. 101—104.
4. Выступление Владимира Путина 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://vsemee.kz/blogi/narodnye-novosti/10498/, свободный (дата обращения: 09.11.2014).
5. Гимн Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://karelia-zs.ru/simvolika_respublika_kareliya/gosudarstvennye_simvoly_respubliki_kareliya/gimn/, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
6. Гимн Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://flag.kremlin.ru/gimn/, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
7. Грошева Г. В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник ТГПУ. 2006. № 1. С. 104—110.
8. Зачем России нужен Крым? [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
9. Зберовский А. В. Национальная идея как причина конфликта между интеллигенцией и государством // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 4. С. 231—237.
10. Ирхин Ю. В. Национальная идея России и идеологема «План Путина» // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 45—56.
11. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Москва, 1997. Т. 2. С. 629—642.
12. Карчевский Л. Этничность как актуальная проблема // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С.143—152.
13. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Феномен человека : антология. Москва, 2013. С. 118—134.

14. Кобб Р. У. Использование символов в политике / Р. У. Кобб, Ч. Элдер // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131—145.
15. Консервативные настроения в российском обществе усиливаются [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
16. Конституция и государственная символика Российской Федерации. Москва, 2006.
17. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа // Власть. 2009. № 10. С. 50.
18. Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 12—21.
19. «Крым и Россия: порознь или вместе?» [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
20. Кулинченко В. А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России / В. А. Кулинченко, Н. А. Коровникова // Власть. 2008. № 11. С. 14—18.
21. Лассуэлл Г. Язык власти [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
22. Нас пугают, а нам не страшно [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=114756, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
23. Национальная идея России : в 6 т. / отв. ред. С. С. Сулакшин. Москва, 2012. Т. 1.
24. Патриотизм и гражданство : пресс-выпуск № 2541 [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
25. Порядок или демократия [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114767, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
26. Путин: Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань — в Россию [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/politics/20140318/1000079137.html, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
27. Сорель Ж. Размышления о насилии. Москва, 2013.
28. Социальное самочувствие россиян «времен Очаковских и покоренья Крыма» [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114774, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
29. Тураев В. А. Национальная идея как смысл существования и стратегия развития этноса // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 154—160.
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва, 2003.
31. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Москва, 1998.
32. Якунин В. Государственная идеология и национальная идея : конституционноценностный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3—12.

REFERENCES

1. Alekseeva T. A. Contemporary Political Theories. [Sovremennye politicheskie teorii]. Moscow, 2000.
2. Amel'chenko S. N. Nation Idea of Russian Society as Project of Due Sociocultural Existence [Natsional'naya ideya rossiyskogo obshhestva kak proekt dolzhnogo sotsiokul'turnogo bytiya] // Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Bulletin. [Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv]. 2005. Vol. 2. № 2. P. 71—82.
3. Bukovskaya N. V. The Role of Religious Symbols in Politics [Rol' religioznykh simvolov v politike] / N. V. Bukovskaya, J. A. Voevodina // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2006. № 12. P. 101—104.
4. Vladimir Putin`s Speech at the 17th April 2014 [Vystuplenie Vladimira Putina 17 aprelya 2014 goda] [Electronic resource]. URL: http://vsemee.kz/blogi/narodnye-novosti/10498/ (accessed: 09.11.2014).
5. Hymn of Republic of Karelia [Gimn Respubliki Kareliya] [Electronic resource]. URL: http://karelia-zs.ru/simvolika_respublika_kareliya/gosudarstvennye_simvoly_respubliki_kareliya/gimn/ (accessed: 04.11.2014).
6. Hymn of Russian Federation [Gimn Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: http://flag.kremlin.ru/gimn/ (accessed: 04.11.2014).
7. Grosheva G. V. Categories of Ethnos and Ethnicity in Modern Scientific Discourse [Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2006. № 1. P. 104—110.
8. Why Russia Needs Crimea? [Zachem Rossii nuznen Krym?] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766 (accessed: 04.11.2014).
9. Zberovsky A. V. Nation Idea as Cause of Conflict Between Intelligentsia and State [Natsional'naya ideya kak prichina konflikta mezhdu intelligentsiey i gosudarstvom] // Krasnoyarsk State Agrarian University Bulletin [Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta]. 2007. № 4. P. 231—237.
10. Irkhin Y. V. Nation Idea of Russia and ideologeme «Putin`s Plan» [Natsional'naya ideya Rossii i ideologema «Plan Putina»] // Russia and Contemporary World. [Rossiya i sovremennyi mir]. 2008. № 2. P. 45—56.
11. Easton D. Categories of System Analysis of Politics. [Kategorii sistemnogo analiza politiki] // Anthology of World Political Thought : In 5 Vol. [Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t.] Moscow, 1997. Vol. 2. P. 629—642.
12. Karchevskiy L. Ethnicity as Actual Problem [Etnichnost' kak aktual'naya problema] // Knowledge.

Understanding. Skill. [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2006. № 4. P. 143—152.
13. Cassirer E. Technology of Modern Political Myths. [Tehnika sovremennykh politicheskikh mifov] // Human Phenomenon : Anthology. [Fenomen cheloveka : Antologiya]. Moscow, 2013. P. 118—134.
14. Cobb R. U. Using of Symbols in Politics [Ispol'zovanie simvolov v politike] / R. Cobb, C. Helder // Political Linguistic [Politicheskaya lingvistika]. 2009. № 29. P. 131—145.
15. Conservative Sentiments are Increasing in Russian Society [Konservativnye nastroeniya v rosssiyskom obshchestve usilivayutsya] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768 (accessed: 04.11.2014).
16. The Constitution and State Symbol of Russian Federation [Konstitutsiya i gosudarstvennaya simvolika Rossiyskoy Federatsii]. Moscow, 2009.
17. Kornienko T. Nature and Structure of Political Myth [Sushchnost' i struktura politicheskogo mifa] // Power [Vlast']. 2009. № 10. P. 49—53.
18. Kravchenko I. I. Political Mythology: Eternity and Modernity [Politicheskaya mifologiya: vechnost' i sovremennost'] // Problems of Philosophy [Voprosy filosofii]. 1999. № 1. P. 12—21.
19. «Crimea and Russia: separately or together?» [Krym I Rossiya: porozn' ili vmeste?] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746 (accessed: 04.11.2014).
20. Kulinchenko V. A. Nation Idea as «Legitimacy Ideology» of Modern Russia [Natsional'naya ideya kak «legitimnaya ideologiya» sovremennoy Rossii] / V. A. Kulinchenko, N. A. Korovnikova // Power [Vlast']. 2008. № 11. P. 14—18.
21. Lasswell H. Language of Power [Yazyk vlasti]. [Electronic resource]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm(accessed: 04.11.2014).
22. We Are Being Frightened But We Are Not Afraid [Nas pugayut, a nam ne strashno] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=114756 (accessed: 04.11.2014).
23. Nation Idea of Russia In 6th vol. Executive Editor S. S. Sulakshin [Natsional'naya ideya Rossii]. Moscow, 2012. Vol. 1.
24. Patriotism and Citizenship [Patriotizm i grazhdanstvo] : Press-News № 2541 [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751 (accessed: 04.11.2014).
25. The Order or Democracy [Poryadok ili demokratiya] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114767 (accessed: 04.11.2014).
26. Putin: Crimea and Sevastopol Come Back to Home Harbor — in Russia [Putin: Krym I Sevastopol vozvrashchayutsya v rodnuyu gavan' — v Rossiyu] [Electronic resource]. URL: http://ria.ru/politics/20140318/1000079137.html(accessed: 04.11.2014).
27. Sorel J. Reflections on Violence [Razmyshlenija o nasilii]. Moscow, 2013.
28. Social Well-Being of Russians During «Ochakov's Times and the Subjugation of the Crimea» [Sotsial'noe samochuvstvie rossiyan vremyon Ochakovskikh i pokorenya Kryma] [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114774 (accessed: 04.11.2014).
29. Turaev V. A. Nation Idea as Reason for Existence and Development Strategy of Ethnos [Natsional'naya ideya kak smysl sushchestvovaniya i strategiya razvitiya etnosa] // Russia and Asian-Pacific Region [Rossija i ATR]. 2010. № 2. P. 154—160.
30. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity [Filosofskiy diskurs o moderne]. Moscow, 2003.
31. Jung C. G. Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]. Moscow, 1998.
32. Yakunin V. State Ideology and Nation Idea : Constitution Value Approach [Gosudarstvennaya ideologiya i Natsional'naya ideya: konstitutsionno-tsennostnyi podkhod] // Power [Vlast']. 2007. № 3. P. 3—12.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например, наиболее яркие высказывания президента Д. Медведева (http://centrpoisk.info/archives/16683) или широко известные высказывания В. Путина (http://blog.i.ua/user/1887606/743622/) — «мочить в сортире» (1999); «я пахал, как раб на галерах» (2008); «выковырять их с этого дна канализации на свет Божий» (2010); «олигархов — в стойло» (2011) и др.

[2] Так, например, можно вспомнить протестные настроения в России в период электорального цикла 2011—2012 гг. или же, напротив, акции поддержки, связанные с событиями в Украине в 2014 г. и важным геополитическим следствием присоединения Крыма.